

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 316.4.05
EDN DSDVCZ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Надежда Дмитриевна Вавилина¹, Юлия Михайловна Шпигунова²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ vavilina-nd@ranepa.ru

² shpigunova-ym@ranepa.ru

Аннотация. С учетом современного внешнего контекста для Российской Федерации научное исследование способности противостояния граждан террористической угрозе имеет особую значимость и актуальность. Авторами на основе эмпирических данных, полученных по результатам мониторингового исследования в Красноярском крае, а также эмпирического исследования основных направлений и эффективных мер противодействия экстремизму и терроризму в молодежной информационной среде в Республике Хакасия, изучена готовность населения к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Региональными сообществами с 2023 г. осознается, что терроризм является реальностью внутреннего развития России, угрожающей целостности государства. В статье показано, что для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: активное информирование, участие институтов гражданского общества, продуктивная деятельность государственных институтов и т. д.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, эффективность, государственная политика, региональный уровень

Благодарности: данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС, рег. № 10.19-2026-1 «Государственная политика противодействия экстремизму и терроризму: региональный уровень».

Для цитирования: Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю. М. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму: региональный уровень // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 21—39. EDN DSDVCZ.

State and civil society, ideology and politics

Original article

STATE POLICY ON COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM: REGIONAL LEVEL

Nadezhda D. Vavilina¹, Yulia M. Shpigunova²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ vavilina-nd@ranepa.ru

² shpigunova-ym@ranepa.ru

Abstract. Given the current external context for the Russian Federation, scientific research into the ability of citizens to resist terrorist threats is of particular importance and relevance. Based on empirical data obtained from a monitoring study in the Krasnoyarsk Territory, as well as an empirical study of the main directions and effective measures for countering extremism and terrorism in the youth information environment in the Republic of Khakassia, the authors examined the readiness of the population to personally participate in counter-terrorism activities. Since 2023, regional communities have recognised that terrorism is a reality of Russia's internal development, threatening the integrity of the state. The article shows that the inclusion of social actors in such activities requires a certain set of

conditions: active information dissemination, participation of civil society institutions, productive work of state institutions, etc.

Keywords: terrorism, extremism, countering, effectiveness, state policy, regional level

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPА (Registration No. 10.19-2026-1) "State Policy on Countering Extremism and Terrorism: Regional Level".

For citation: Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. State Policy on Countering Extremism and Terrorism: Regional Level. Territory Development. 2026;(3):21—39. (In Russ.). <https://elibrary.ru/dsdvcz>.

Постановка проблемы

Проблема терроризма в современной России напрямую связана с каждодневной безопасностью и государства, и граждан. Теперь терроризм — это не просто угроза, а фактически реальность общественной жизни, в которую включены все элементы государственной, социальной и экономической систем.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, экстремизм является одной из наиболее сложных проблем российского общества. Это в первую очередь связано с многообразием его проявлений и неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности страны.

Российская Федерация, как отмечают специалисты, располагает развитой правовой базой в обеспечении противодействия таким процессам [1 ; 2]. Однако опыт изучения терроризма убеждает, что успех в борьбе с этим явлением определяется не столько мощью силовых структур государства, эффективным межведомственным взаимодействием субъектов, осуществляющих противодействие [3 ; 4], сколько созданием социально-экономических и политических условий, препятствующих распространению идеологии и практики терроризма [5, с. 42 ; 6, с. 349].

По мнению некоторых авторов, право само по себе не может раскрывать сущность терроризма и экстремизма [7, с. 72], оно лишь регламентирует явление, не обнажая его сущность [8, с. 375]. В связи с чем научное исследование способности противостояния граждан террористической угрозе особенно актуально с учетом современного внешнего контекста для российского государства [9, с. 105]. При этом теоретически форма противостояния предполагает целенаправленность и планирование соответствующих действий и серьезное материальное

обеспечение. Однако достаточно часто противодействие бывает ситуативным и состоит в выполнении несложных действий. В качестве доступных рассматриваются способы, не требующие специальной подготовки, позволяющие использовать созданную в России общедоступную информационную базу профилактики террористической деятельности. Такой методологический подход позволяет оценить готовность граждан к противодействию терроризму, их подготовленность и способность противостоять террористической угрозе максимально доступными в обычных условиях и законными способами [5, с. 43].

Терроризм не относится к повсеместным явлениям. Так, по мнению Е. В. Лукасевича, использование этой тактики предполагает определенный набор социокультурных и политических характеристик общества. Если данные характеристики отсутствуют, тактика терроризма не может быть реализована [10]. Этим определяется актуальность мониторинговых исследований на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, поскольку диагностика наличия тех или иных условий «произрастания» терроризма или их отсутствия позволяет государственным институтам обеспечить необходимую эффективность действий.

Материалы и методы исследования

Исследование государственной политики в сфере противодействия терроризму представлено по результатам мониторинга ситуации в Красноярском крае за 2016—2024 гг. [11] Данный регион является вторым по площади субъектом Российской Федерации, третьей по величине административно-территориальной единицей в мире и относится к одному из наиболее индустриально развитых регионов России. В связи с чем отношение к проблеме терроризма в Красноярском крае представляет интерес в контексте эффективности государственной политики в этой сфере.

Исследования осуществлялись на основе стратифицированной, многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборки [12]. В качестве основного метода изучения проводилось массовое полужформализованное интервью на основе репрезентативной выборки с использованием планшетных компьютеров. При расчете квот использовались данные Управления Федеральной службы государственной статистики о численности и структуре населения по полу, возрасту и городу проживания [13].

Численность выборочной совокупности респондентов была задана заказчиком (Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия) и насчитывает 1 200 единиц, что составляет 0,1 % от численности генеральной совокупности — населения 9 городов Красноярского края [14]). Средняя ошибка выборки была в пределах 2,0 %.

Вычисление средней ошибки выборки при собственно-случайном, беспроводном методе отбора респондентов осуществлялось по формуле

$$\mu = \sqrt{\frac{\sigma^2}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)},$$

где μ — средняя ошибка выборки;

σ^2 — дисперсия, измеряющая разброс признака в генеральной совокупности (при предположении, что доля равна примерно 50 %, или 0,5);

n — объем выборочной совокупности;

N — объем генеральной совокупности [12].

Расчет:

$$\begin{aligned} \mu &= \sqrt{\frac{0,5^2}{1200} \left(1 - \frac{1200}{1745\,677}\right)} = \\ &= \sqrt{0,00021(1 - 0,00069)} = \\ &= \sqrt{0,00020986} = 0,0145. \end{aligned}$$

Отдельные авторские идеи также были проверены в исследовании, проведенном в 2024 г. в Республике Хакасия [4 ; 15]. Объектом исследования являлась молодежь Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет, предметом — общественное мнение молодежи Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет по поводу оценки состояния, основных направлений и эффективных мер противодействия экстремизму и терроризму в молодежной информационной среде.

Формирование выборочной совокупности имело целенаправленный характер. В условиях, установленных Заказчиком, была зафиксирована обязательность проживания на территории республики, а также соблюдение (по возможности) соотношения городского и сельского населения и принадлежность к группе «молодежь» (в российском законодательстве к молодежи относятся граждане от 14 до 35 лет) без деления на подгруппы, но с выделением в качестве базовых групп — от 14 до 17 лет и от 18 до 19 лет.

Базовым методом сбора эмпирической информации в указанном исследовании был массовый онлайн-опрос, который проходил на основе полужформализованной анкеты, что позволило получить индивидуализированные оценки ряда процессов. В открытых вопросах участники представляли свое понимание терроризма: говорили об источниках, где получали информацию; объясняли откровенно проблемы буллинга в образовательных организациях и другие «закрытые» темы. Фильтрами выступали вопросы социально-демографического блока о возрасте и месте проживания. Если респондент не соответствовал данным признакам, то его участие в опросе прекращалось.

Наличие открытых и полукоткрытых вопросов позволило участникам заявлять собственные позиции и оценки: в частности, о восприятии рисков, угроз и возможностей современной реальности по вопросам экстремизма и терроризма, а также о своем опыте участия в мероприятиях антитеррористической направленности либо о наличии фактов, препятствующих этому участию. В опросе приняли участие 900 человек, что составило 0,67 % от всей совокупности молодых людей в указанном возрастном интервале (на 1 января 2024 г. численность молодежи Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет составила 133 620 человек).

Обсуждение результатов

Понятия экстремизма и терроризма являются неоднозначными, особенно на уровне восприятия населением.

В российском законодательстве зафиксирована значительная совокупность норм, позволяющих увидеть всю многогранность этих явлений. В принятой 28 декабря 2024 г. Стратегии противодействия

экстремизму в Российской Федерации, действие которой предполагается до 2030 г., определено, что проявления экстремизма — это общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межрелигиозных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению суверенитета, единства и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма.

Таким образом, это действия, которые могут совершаться в рамках определенных сфер общественной жизни в ходе взаимодействия социальных субъектов и приводить к непродуктивным для общества результатам, а именно: конфликтам, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства, угрозам существования конституционного строя. В условиях проведения СВО, проявлениями экстремизма являются русофобия, реабилитация любых видов нацизма и умышленное искажение истории.

Учитывая эти подходы, в ходе операционализации понятий для целей социологического исследования были включены три типа действий: действия, направленные на разрушение общества и государства; действия, ориентированные на организацию конфликтов; действия, организуемые для борьбы с властью.

Эмпирические признаки экстремизма и терроризма можно разделить на три типа. Для первого типа действий (экстремизма и терроризма) были взяты бандитизм, разбой (создание групп с целью нападения для вымогательства и давления на граждан); преступные акты насилия (принуждение, запугивание, физическое насилие); демонстрация превосходства над мирным населением (нападение на территории, где нет объектов военного назначения). Для второго типа характерно создание групп по национальному признаку для борьбы с представителями других национальностей,

а также стремление (способ) вызвать межнациональные конфликты и конфликты с мигрантами. Для третьего типа характерны следующие признаки: поиск способа заставить государство пойти на уступки в интересах определенных групп; демонстрация превосходства внешних сил («цветные революции», смена законной власти); форма политической борьбы оппозиции тех, кто не согласен с властью (привлечение к участию в несогласованных публичных мероприятиях, массовые беспорядки).

Представляется важным увидеть динамику общественного мнения по каждому типу действий и их соотношение. Это позволит спрогнозировать характер возможного противодействия, определить формы и методы работы с массовым сознанием.

Наибольший интерес в этом контексте представляют результаты исследования, проведенного в Красноярском крае. Оно имело мониторинговый характер, когда эмпирический этап осуществлялся не только длительный период времени, но и был сделан на основе одного типа выборочной совокупности, с использованием одного метода опроса — планшетного расширенного интервью, что не исключало наличие базовых элементов опросника, повторяющихся ежегодно.

В рамках настоящего исследования прежде всего фиксировалось само понимание терроризма. Респондентам был задан вопрос о том, как они понимают терроризм на территории современной России. В силу разнообразия способов его восприятия, опрошенным было предложено выбрать несколько вариантов определения этого понятия. При этом, учитывая новые условия развития России (проведение СВО), в 2023 г. возникла необходимость изменить «набор» таких вариантов, что позволило увидеть наличие некоторых новых явлений в общественном мнении населения Красноярского края. В качестве новых вариантов определения терроризма были введены следующие его разновидности:

— демонстрация превосходства внешних сил («цветные революции», смена законной власти);

— способ вызвать недовольство властью;

— способ вызвать межнациональные конфликты;

— способ вызвать конфликты с мигрантами.

Необходимо учесть, что наличие новых формулировок не дает возможности полностью сравнить позиции с предыдущими годами, но позволяет видеть динамику, если анализировать ситуацию в рамках заданных типов. Большинство опрошенных в 2023 г., как и в 2022 г., посчитали, что терроризм на территории современной России является способом запугать общество. С этим определением в 2023 г. согласны 51,1 % респондентов, а 50,5 % уверены в том, что терро-

ризм — это преступные акты насилия. На третьем месте находится следующее определение терроризма — это бандитизм, разбой (44,9 %) (рис. 1). С утверждением того, что это способ вызвать межнациональные конфликты (вариант, введенный в 2023 г.), согласились 30,7 % участников, т. е. фактически каждый третий. Другое новое определение — «вызывать недовольство властью» — было поддержано почти каждым четвертым жителем региона (23,1 %).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что такое терроризм на территории современной России?» (от всей совокупности опрошенных, %). Данный вопрос позволил любое количество ответов — в совокупности здесь будет больше 100 %. Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question: "What is terrorism in today's Russia?" (as a percentage of the total number of respondents). This question allowed multiple answers, so the total exceeds 100 %.
Krasnoyarsk Territory, 2023

Крайне интересной представляется позиция, в рамках которой терроризм понимается как «форма политической борьбы оппозиции, тех, кто не согласен с властью». К такому варианту в 2023 г. присоединились 17,3 % участников; в 2022 г. — 25,5 %; в 2021 г. — 24,4 %, в 2020 г. — 26,6 %. Снижение удельного веса сторонников такой позиции свидетельствует о том, что жители края сегодня видят главную опасность в другом. Однако, если объединить позиции тех, кто понимает терроризм как способ вызвать недовольство властью, и тех, кто видит, что это способ вызвать межнациональные конфликты, то в условиях многонационального государства такие действия могут грозить самоуничтожением

государства. Таким образом, внутренние процессы, формируемые действиями террористического характера, должны сегодня стать главным полем внимания и действия региональных и муниципальных властей.

Если задать образ, то в 2022 г. терроризм — это реальный факт жизни России, но он был вне государства. В 2023 г. терроризм оценивался также как реальное явление, но теперь оно стало частью внутреннего развития, угрожающей целостности общества. И это является новым элементом массового сознания жителей данного субъекта Российской Федерации.

В вариантах ответа на вопрос об источниках террористических угроз для

России в 2023 г. также были отмечены новые подходы. В частности, были введены три варианта ответов с учетом внешней для России угрозы: «спецслужбы арабских стран», «спецслужбы Израиля» и «спецслужбы Украины».

Как и предполагалось в гипотезах, главным источником терроризма сегодня

51,2 % опрошенных жителей края считают спецслужбы Украины (табл. 1). Вторую позицию занял ответ «террористическая угроза исходит от США, американских спецслужб» (50,6 %), а третью позицию занял «коллективный Запад», поставляющий оружие на Украину (41,8 %) (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, откуда сегодня исходит террористическая угроза для России?» (от всей совокупности опрошенных, %).

Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question "Where do you think the terrorist threat to Russia comes from today?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Численность опрошенных, %
Спецслужбы Украины	51,2
Террористическая угроза исходит от США, американских спецслужб	50,6
«Коллективный Запад», поставляющий оружие на Украину	41,8
Националистические группировки	29,5
Радикальные исламские группировки, находящиеся за пределами России	19,3
Преступные, мафиозные группировки	14,7
Затрудняюсь ответить	8,1
Спецслужбы Израиля	5,5
Спецслужбы арабских стран	5,0
Никакой угрозы нет	1,3

В целом можно сделать вывод о том, что жители региона, говоря о терроризме, видят наличие прежде всего серьезных внешних угроз, что вполне обоснованно в условиях проведения СВО на Украине. С утверждением, что «никакой угрозы нет» в 2023 г., согласились только 1,3 % опрошенных. При этом 29,5 % участников видят такую угрозу со стороны националистических групп, а 19,3 % — со стороны радикальных исламских группировок, находящиеся за пределами России.

Очевидно, что сформировались два «образа врага» — внешний и внутренний. Если внешний фактически классический — это Запад и его «исполнители» (в частности, спецслужбы Украины), то внутренний враг для трети населения имеет четко фиксируемый образ: националистические группировки и преступные мафиозные группы. На первом элементе настаивают 29,5 % участников, на втором — 14,7 %. Необходимо признать, что это значимые цифры, они свидетельствуют о реальности этих явлений.

Следует учесть, что возможным организатором терактов в регионе жители городов края видели в первую очередь

спецслужбы Украины (56,8 %), но каждый третий респондент (33,3 %) счел, что субъектом таких действий могут быть «обычные люди, доведенные до отчаяния», столько же участников указывали на американские спецслужбы и группы с антироссийскими настроениями из Европы (рис. 2).

Крайне интересным представляется анализ утверждения о том, что организаторами терактов могут быть обычные люди, доведенные до отчаяния. Здесь можно увидеть определенную тенденцию. Результаты мониторинга показывают, что такие оценки фактически наблюдаются длительное время: в 2019 г. заявляли об этом 28,7 % опрошенных, в 2020 г. — 33,5 %; в 2021 г. — 32,4 %; в 2022 г. — 31,6 %; в 2023 г. — 33,3 %. И они свидетельствуют об устойчивости позиций почти трети жителей.

Особое значение имеет выявление настроений при определении целей, которые преследуют террористы, действующие в России. Самыми распространенными являются следующие их цели: «изменить государственный строй» (42,0 %), «свергнуть существующее руководство»

(46,1 %) и «вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей» (28,8 %). К иным возможным респонденты отнесли цель — «осуществить акты возмездия» (32,0 %). Можно

предположить, что в 2023 г. респонденты, говоря об изменении государственного строя и свержении существующего руководства, имели в виду действия американских и украинских спецслужб.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кто, на ваш взгляд, может быть организатором терактов на территории Красноярского края?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.
Distribution of answers to the question "Who, in your opinion, could be the organisers of terrorist attacks in the Krasnoyarsk Territory?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Представленные результаты коррелируют с данными позициями. В этом контексте представляется важным перейти к оценке эффективности государственной политики в сфере противодействия терроризму.

В соответствии с п. 42 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации эффективность реализации стратегии обеспечивается согласованной позицией субъектов противодействия экстремизму при осуществлении политических, правовых, организационных, информационных и иных мер.

При этом ожидаемые результаты заключаются в следующем:

- повышении уровня взаимодействия субъектов противодействия экстремизму;
- активном участии институтов гражданского общества (включая социально ориентированные и иные некоммерческие организации) в профилактике и предупреждении экстремистских проявлений;
- формировании в обществе, особенно среди молодежи, нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятию экстремистской идеологии;

— повышении уровня защищенности граждан и общества от экстремистских проявлений;

— повышении оценки населением состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений в Российской Федерации (п. 62 Стратегии).

В 2023 г. при оценке эффективности правоохранительных, административно-правовых и других мер по противодействию терроризму в Красноярском крае 20,8 % респондентов затруднились с ответом, 32,5 % — оценили эффективность деятельности органов власти как среднюю, 18,9 % — выше среднего, 17,9 % — как высокую, 4,6 % — ниже среднего, 5,3 % — как крайне низкую.

В совокупности 69,3 % участников заявили в этом случае о той или иной степени эффективности административно-правовых, правоохранительных и иных мер по противодействию терроризму в Красноярском крае в 2023 г. О неэффективности этих мер утверждали лишь 9,9 % респондентов (рис. 3). И это соотношение заметно было более продуктивным, чем в 2022 г. Тогда о разной сте-

пени эффективности говорили 67,1 % респондентов, о неэффективности — 13,2 %. Конечно, изменения в ту или иную сторону на 2—4 % могут быть статистическим смещением. Однако если такая динамика наблюдается в течение нескольких лет, то в этом случае можно говорить об устойчивости процесса.

Сравнение данных 2023 г. в динамике в целом по краю с показателями 2017—2022 гг. позволяет зафиксировать ряд тенденций (см. рис. 3).

В соответствии с первой тенденцией с 2017 по 2023 г. в Красноярском крае хотя и медленно, но растет удельный вес тех жителей, которые уверены в высокой эффективности правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму: с 3,8 % в 2017 г. до 17,9 % в 2023 г.

Вторая тенденция показывает, что все эти годы доминирует оценка «средняя эффективность». На ней настаивают, как правило, $\frac{1}{3}$ часть всех опрошенных.

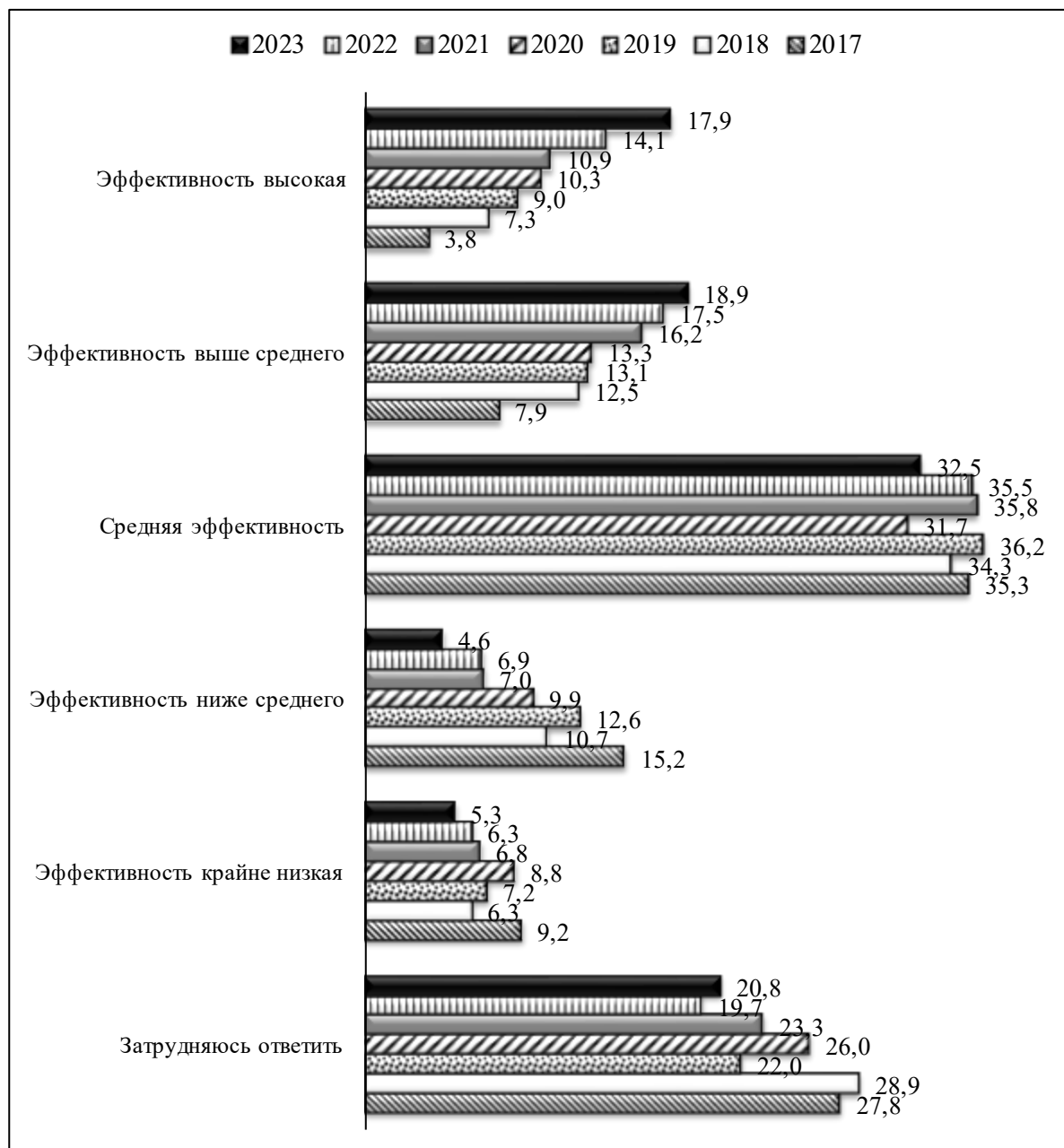

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность правоохранительных, административно-правовых и других мер по противодействию терроризму в Красноярском крае» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2017—2023 гг.
Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of law enforcement, administrative, legal and other counter terrorism measures in the Krasnoyarsk Territory" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2017—2023

Третья тенденция показывает, что сужается, хотя весьма незначительно, число тех респондентов, которые затрудняются оценить эффективность таких мер. Как правило, это связано либо с отсутствием достоверной информации («честные респонденты»), либо с определенной осторожностью в оценках, связанных с деятельностью государственных институтов («боязливые респонденты»). Но в целом, учитывая обстоятельства 2023 г., следует считать оценки эффективности правоохранительных, административно-правовых и других мер позитивными.

По данным мониторинговых исследований, большинство жителей Краснояр-

ского края (в 2023 г. примерно 70 %, в 2022 г. — 70 %) считают деятельность органов власти края по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в той или иной степени эффективной (рис. 4). Неэффективной ее считают до 15 % опрошенных в разные годы (сумма оценок «эффективность ниже среднего» и «эффективность крайне низкая»).

В целом результаты деятельности органов власти по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в Красноярском крае можно определить как устойчивые, а их деятельность можно считать эффективной.

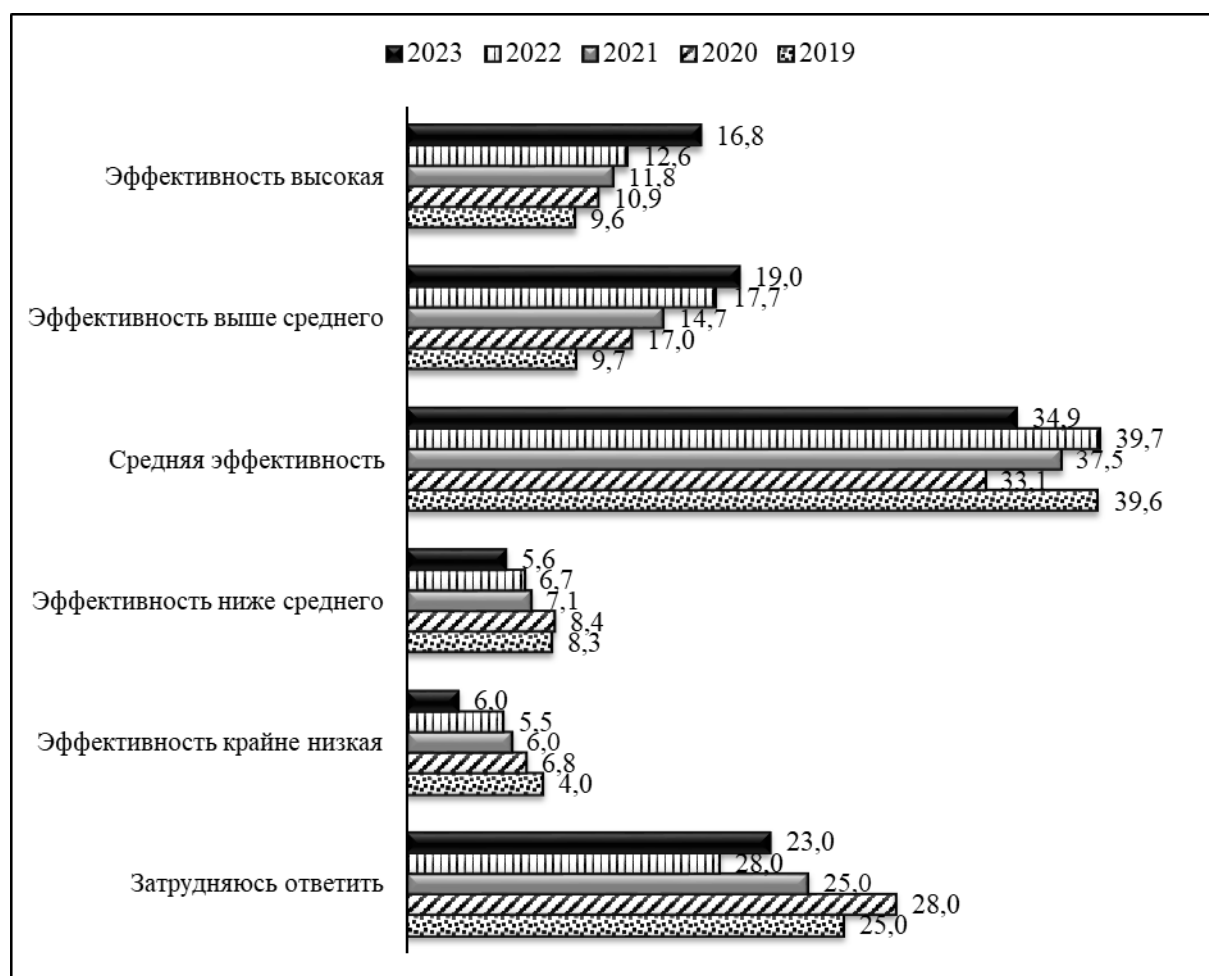

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность мероприятий по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации в Красноярском крае?» (от каждой совокупности опрошенных, %).

Красноярский край, 2019—2023 гг.

Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of measures to bring perpetrators of terrorist activities to justice in accordance with the legislation of the Russian Federation in the Krasnoyarsk Territory?" (as a percentage of each sample group). Krasnoyarsk Territory, 2019—2023

Рассмотрим, как жители края оценивают конкретные мероприятия, направленные на предотвращение терроризма

и экстремизма в Красноярском крае (табл. 2).

Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете меры, предпринимаемые руководством Красноярского края по противодействию терроризму и экстремизму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question "How do you assess the measures taken by the leadership of the Krasnoyarsk Territory to counter terrorism and extremism?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Охрана общественного порядка	57,9	24,8	5,1	5,0	7,3
Контроль деятельности опасных производств и организаций	62,3	19,9	3,2	2,0	12,7
Медико-санитарный контроль (введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических мероприятий и др.)	60,6	23,1	4,2	3,8	8,3
Ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т. д.	70,9	15,8	2,7	3,3	7,3

В 2023 г. из правоохранительных, административно-правовых мер по противодействию терроризму респонденты высоко оценили: ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (86,7 %), медико-санитарный контроль (83,7 %) и охрану общественного порядка (82,7 %). Практически такая же оценка была присвоена респондентами такой мере, как контроль деятельности опасных производств и организаций (82,2 %) (см. табл. 2). По сравнению с 2022 г. рейтинг мер остался неизменным. Однако все они получили высокие положительные оценки.

Эффективность всей совокупности действий субъектов противодействия экстремизму во многом обеспечивается продуктивностью работы с массовым сознанием. В информационном пространстве Красноярского края остаются сообщения с элементами насилия, жестокости и т. д., что по мнению значительного большинства опрошенных, подпитывает экстремистские настроения. Все это формирует общественный запрос на создание единого антитеррористического информационного пространства.

Для оценки деятельности руководства Красноярского края были заданы следующие направления в информационном и антитеррористическом пространстве:

— выявление, предупреждение и пресечение фактов использования информационных ресурсов для распространения террористических идей;

— противодействие кибератакам террористов на критически важную информационную инфраструктуру;

— информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму;

— информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов;

— информирование населения о мерах безопасности в ситуации с террористическими актами.

Респонденты оценили наиболее высоко следующие направления:

— информирование населения о мерах безопасности в ситуации с террористическими актами (83,0 %) (сумма оценок «положительно» и «скорее положительно»);

— информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов (81,7 %);

— информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму (79,5 %) (табл. 3).

В 2023 г. принципиальных расхождений по всем направлениям не выявлено: оценки колебались в пределах от 77,0 до 83,0 % (см. табл. 3). Эти оценки были несколько выше, чем в 2022 г. Но это повышение незначительное и находится в пределах статистических смещений.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как бы вы оценили усилия органов власти Красноярского края по формированию единого антитеррористического информационного пространства в Красноярском крае?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question “How would you assess the efforts of the authorities of the Krasnoyarsk Territory to create a unified anti terrorism information space in the Krasnoyarsk Territory?” (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Выявление, предупреждение и пресечение фактов использования информационных ресурсов для распространения террористических идей	62,1	14,9	4,3	3,8	14,9
Противодействие кибератакам террористов на критически важную информационную инфраструктуру	61,5	16,6	3,9	3,7	14,3
Информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму	63,8	15,7	2,8	2,9	14,8
Информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов	65,7	16,0	3,3	3,2	11,9
Информирование населения о мерах безопасности в ситуации террористических актов	68,8	14,2	2,9	3,3	10,8

Рассмотрим, как граждане оценивают эффективность различных мероприятий по предотвращению террористической деятельности в крае. Четверть опрошенных затруднилась с ответом об эффективности мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма. Более трети опрошенных (35,2 %) указали, что эффективность органов власти Красноярского края по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, является средней; 13,6 % респондентов отметили низкую эффективность мероприятий («эффективность ниже среднего» и «эффективность крайне низкая»), а 29,5 % опрошенных отметили, что эффективность в разной степени высокая. В целом можно утверждать, что эффективной эту деятельность (в той или иной степени) сочли больше половины участников опроса (64,7 %), а неэффективной — только 13,6 %; затруднившиеся ответить составили 21,8 % (рис. 5).

Оценка эффективности мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, в 2023 г. практически не изменилась относительно данных 2022 г. (см. рис. 5). Тогда эффективной эту деятельность сочли 60,9 % респондентов, а неэффективной — 17,7 %. В то же время справедливо будет заметить, что некоторый рост эффективности имел место: с 60,9 % в 2022 г. до 64,7 % — в 2023 г. При этом он сопровождался снижением удельного веса оценок, свидетельствующих о неэффективности указанной деятельности: с 17,7 % в 2022 г. до 13,6 % в 2023 г. Справедливость этого вывода подтверждается анализом динамики за несколько лет. Например, «прибавляя шагами в 2—4 %, но ежегодно, оценка «эффективность высокая» выросла с 4,2 % в 2017 г. до 14,6 % в 2023 г., т. е. почти в 3,5 раза.

Аналогичным образом фиксируются изменения оценки «эффективность выше среднего» (см. рис. 5).

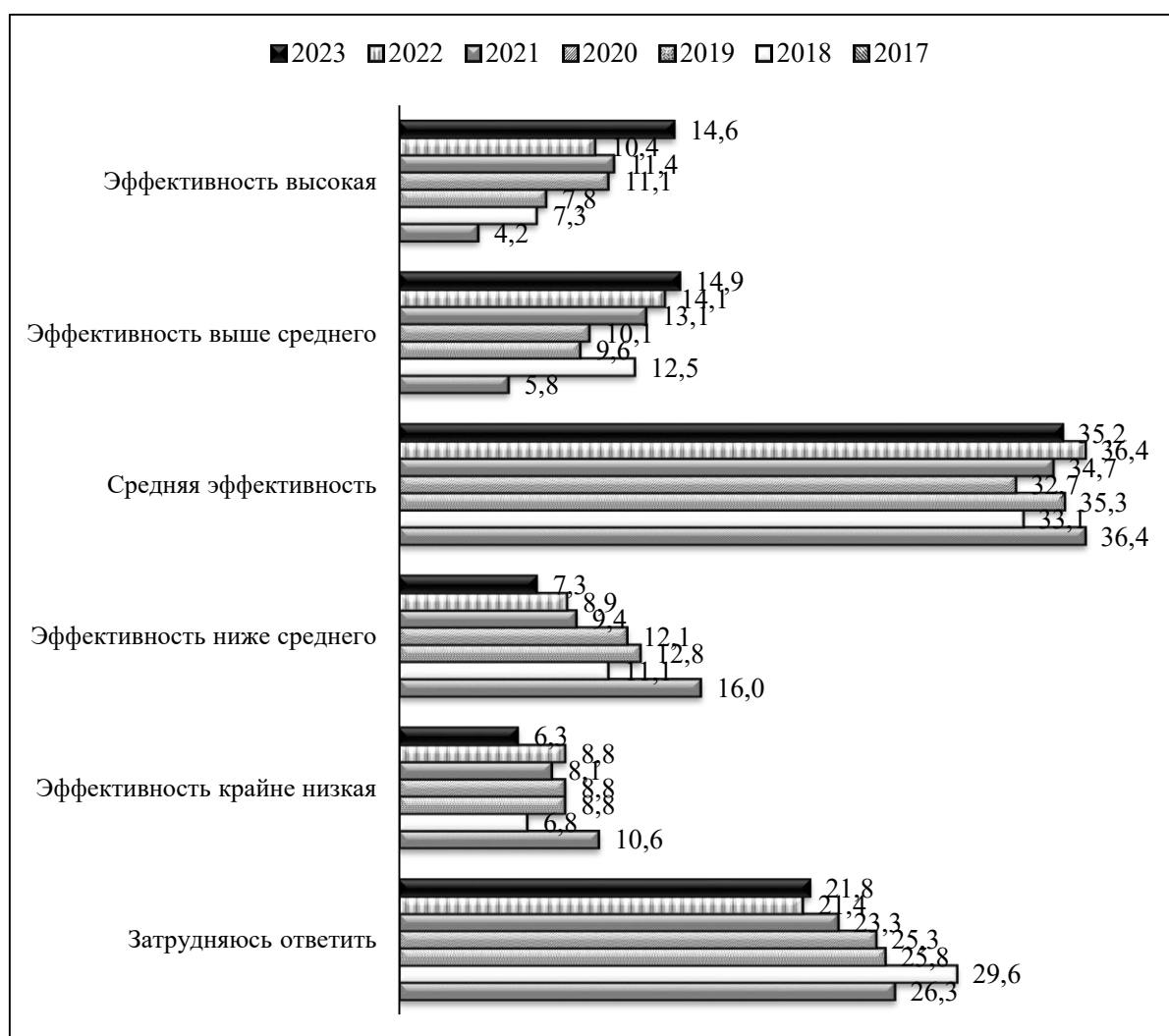

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма» (от каждой совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2017—2023 гг.

Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of measures to identify and eliminate the causes and conditions that contribute to the emergence and spread of terrorism" (as a percentage of each sample group). Krasnoyarsk Territory, 2017—2023

В рамках мониторингового исследования также изучалась готовность жителей края к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: во-первых, должны быть мотивы, причины; во-вторых, собственно готовность/способность; в-третьих, условия/ресурсы.

Представляется, что одним из мотивов включения в деятельность такого рода может быть понимание опасности экстремизма не только для общества и государства, но и для себя лично.

В 2023 г. готовность к такому участию выразили 41,2 % опрошенных жителей, но каждый третий (33,2 %) отказался от

участия в таких мероприятиях; 25,7 % затруднились ответить на этот вопрос. По сравнению с 2022 г. число жителей, готовых принимать участие в таких мероприятиях, существенно снизилось: с 51,6 % в 2022 г. до 41,2 % в 2023 г., т. е. более чем на 10 %. На 6,4 % выросло число тех, кто не готов к таким действиям: на 4,1 % выросло число затруднившихся в ответе по этому поводу (рис. 6).

Интересным в этом контексте являются данные исследования «Международное взаимодействие и профилактика идеологии экстремизма и терроризма в информационной среде в Республике Хакасия», объектом которого являлась молодежь в возрасте от 14 до 35 лет.

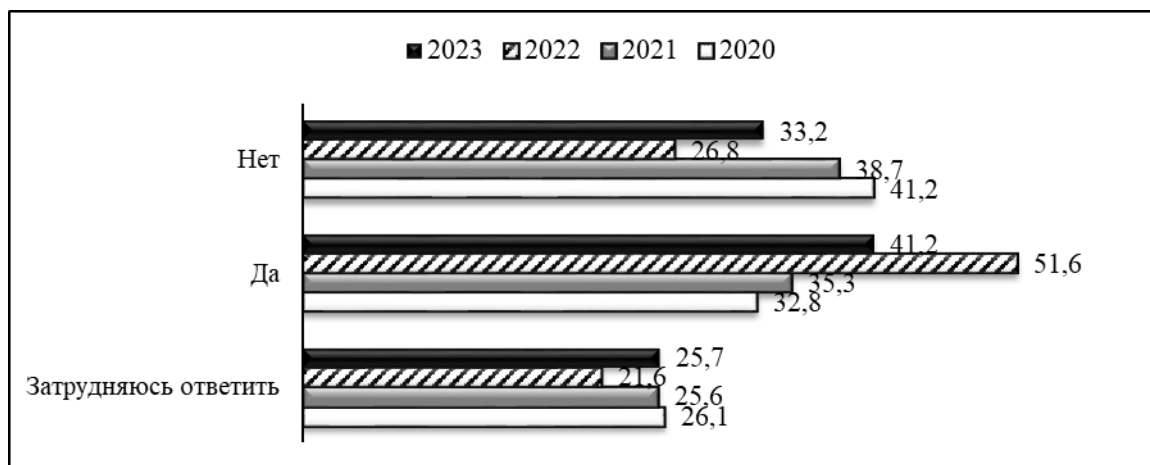

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2020—2023 гг.
Distribution of answers to the question "Are you personally willing to take part in counterterrorism activities?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2020—2023

Анализ готовности личного включения в противодействие экстремизму показал, что в 2024 г. на это было ориентирован

примерно каждый третий молодой житель Республики Хакасия среди всей совокупности опрошенных (рис. 7).

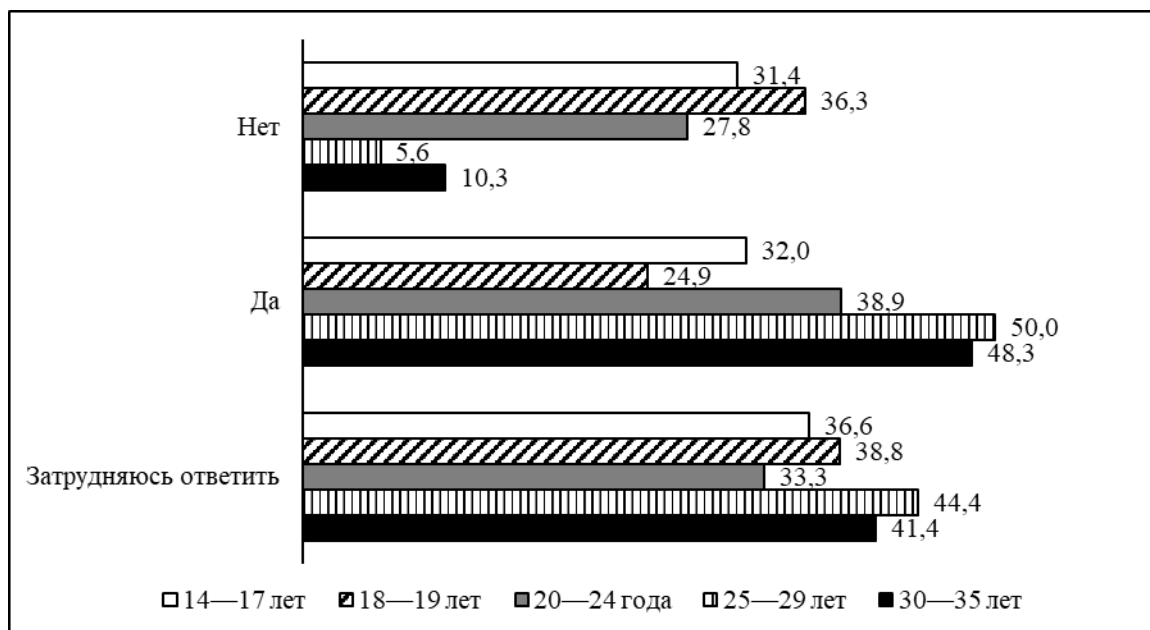

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие экстремизму и терроризму?» (от каждой совокупности опрошенных, %). Республика Хакасия, 2024 г.
Distribution of answers to the question "Are you personally willing to participate in activities aimed at countering extremism and terrorism?" (as a percentage of each sample group). Republic of Khakassia, 2024

Наиболее высокий процент респондентов, ответивших, что готовы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие экстремизму и терроризму, приходится на возрастную группу 25—29 лет (50,0 %). В возрастной группе 30—35 лет почти каждый второй респондент готов принимать участие в этих мероприятиях (48,3 %) (см. рис. 7).

Среди тех респондентов, кто не готов лично принимать участие в таких мероприятиях, более других представлены младшие возрастные группы — 18—19 лет (36,3 %) и 14—17 лет (31,4 %). Представляется, что именно с этими группами необходимо работать для расширения антитеррористического пространства в молодежной среде.

Существуют ли необходимые условия и ресурсы для вовлечения молодежи Республики Хакасия в мероприятия такой направленности? Базовым ресурсом в этом случае могут выступать организации среднего профессионального образования и вузы [16 ; 17], о чем свидетельствуют и практики.

Анализ практик профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в информационной среде Республики

Хакасия показал наличие традиционных форм такой деятельности. И именно они были внесены в опрос. Результаты исследования показали, что наиболее эффективными в молодежной информационной среде в организациях среднего профессионального и высшего образования будут мероприятия с применением современных информационных технологий (рис. 8).

Рис. 8. Ранговое распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия по профилактике экстремизма, по вашему мнению, будут эффективны в молодежной информационной среде?» (от всей совокупности опрошенных, %). Республика Хакасия, 2024 г.

Rank distribution of answers to the question "Which extremism prevention measures, in your opinion, would be effective in the youth information environment?" (as a percentage of all respondents). Republic of Khakassia, 2024

Наименее всего были поддержаны меры по ограничению использования Интернета и интернет-ресурсов со стороны государства.

Таким образом, в Республике Хакасия есть определенные ресурсы для вовлечения молодых людей в мероприятия антитеррористической направленности: доступная инфраструктура и апробированные практики. Но какие условия необ-

ходимы, чтобы молодежь стала реальным субъектом таких действий? В этом случае значимыми становятся личные позиции молодых людей, которые они заявляли в открытых вопросах. Анализируя всю совокупность ответов, можно говорить о необходимости или значимости двух типов условий, обеспечивающих готовность к включению в антитеррористическую деятельность.

Используя известную типологию П. Штомпки [18], можно выделить «экзогенные» условия, т. е. те, которые зависят от внешних по отношению к субъекту причин в своем развитии, и «эндогенные», которые приводятся в движение самим субъектом. Как известно, внешние условия и причины их формирования всегда легче определяются и называются они людьми. В частности, представим позицию некоторых респондентов на необходимость:

«обеспечить правильное информирование и анти-пропаганду в молодежных социальных сетях»;

«ограничить доступ к группам в соцсетях — мессенджерах подобного рода»;

«улучшение спецслужб и принятие смертной казни»;

«наказывать за такое упоминание экстремизма и терроризма»;

«прекратить бессмысленное СВО, выдумывать законы, которые превращают Россию не понятно во что»;

«работа с молодежью — организация досуга, культурных мероприятий и условий для нормальной жизни»;

«недопущение появлений девиантных (или неформальных) групп»¹.

Необходимо признать, что заявляемые условия носят достаточно традиционный характер, часто запретительного вида. Другие позиции в рамках «экзогенного» типа имеют даже критическую декларативность:

— «Воспитывать доброту в людях и уважительное отношение друг к другу с малого возраста, а не делать лекции и речи для взрослых на эту тему. Это не помогает, а только освещает тему и вызывает наибольший интерес к ней у граждан, которые имеют хотя бы малейшие признаки деструкции личности. Нужно воспитывать человека в человеке. И когда-нибудь будут плоды. А «переделывать» лекциями и семинарами — это очередная галочка и показуха»;

— «На уроках, парах и лекциях этого хватает, и я так скажу, большинство людей, которые там сидят, уходят не досидев до половины, потому что считают себя нормальными. Ограничения Интернета? В любом случае найдутся обходы»;

— «Никакие мероприятия не помогут с этой проблемой, даже правильное воспитание с детства ничем не помогут. Каждое следующее поколение будет хуже и хуже, так как они берут пример со старшей молодежи»¹.

Однако важнее всего понять внутренние условия, часто барьеры, не позволяющие быть молодому человеку субъектом в принятии модели антитеррористического поведения. И здесь, пожалуй, самым важным было следующее: «Чтобы родители давали любовь своим детям, а власти не вмешивались в личные дела людей и в умы детей». В таком заявлении очевидно присутствует запрос молодых людей на субъектность. Фактически здесь зафиксирована традиционная проблема государственной молодежной политики, в рамках которой молодежь понимается лишь как объект воздействия — воспитания.

В то же время в позиции четко зафиксирована и роль семьи — любить детей. А значит сегодня они «недолюблены», значит сегодня им не хватает заботы. В подтверждение можно представить еще одну позицию участников: надо «решать проблемы буллинга и плохого отношения преподавателей к ученикам».

Анализ всей совокупности результатов исследования в Республике Хакасия позволяет сделать вывод о необходимости видеть и «эндогенность» условий в формировании готовности молодежи.

Наряду с личной готовностью граждан крайне важным условием противодействия терроризму является участие в этой деятельности общественных объединений самых разных направлений. На вопрос об эффективности взаимодействия органов государственной власти Красноярского края с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества и гражданами в области противодействия терроризму 52,7 % жителей городов края оценили такое сотрудничество как «эффективное» и «скорее эффективное». Неэффективным его посчитали только 6,3 % опрошенных, «скорее не эффективным» — еще 12,6 % (рис. 9).

¹ Орфография и синтаксис сохранены авторами статьи.

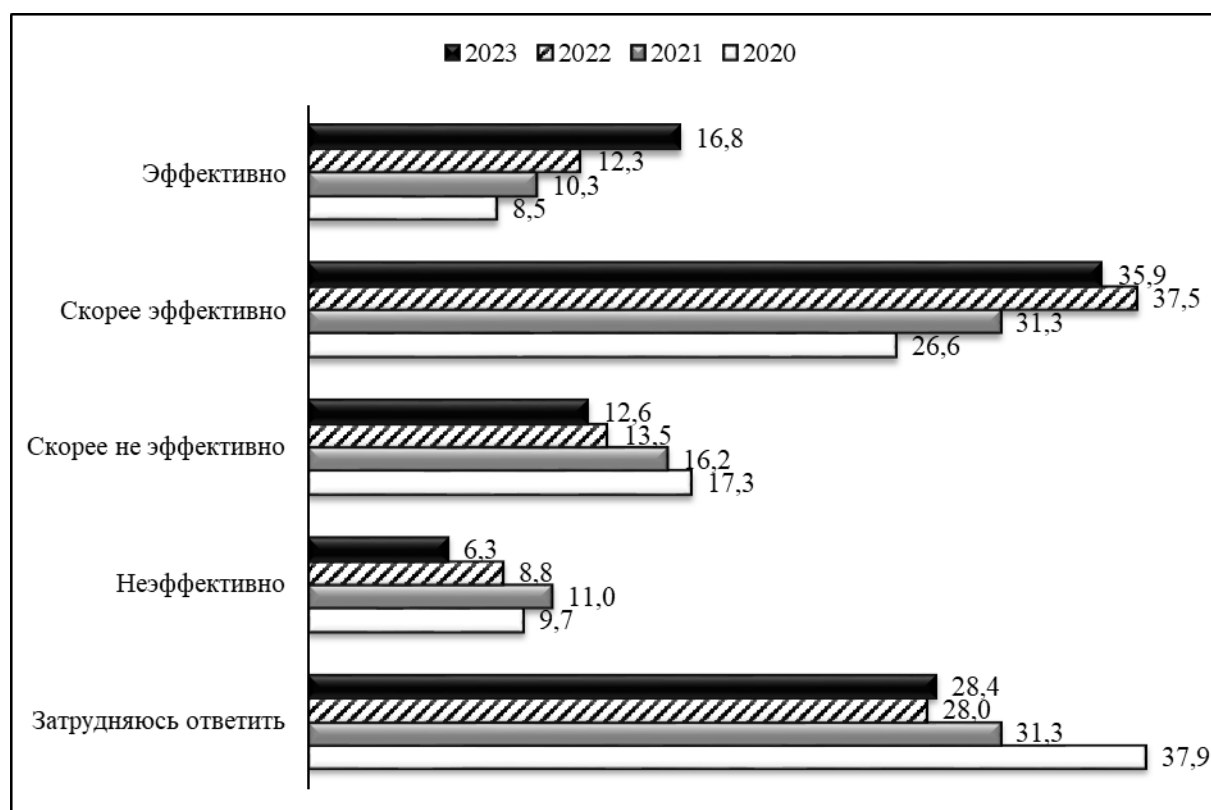

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Как вам кажется, насколько эффективно органы государственной власти Красноярского края сотрудничают с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества и гражданами в области противодействия терроризму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2020—2023 гг.

Distribution of answers to the question "How effectively, in your opinion, do the state authorities of the Krasnoyarsk Territory cooperate with public and religious organisations (associations), other civil society institutions and citizens in the field of counter terrorism?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2020—2023

По сравнению с 2022 г. в Красноярском крае число оценивающих это сотрудничество как эффективное (в той или иной степени) выросло с 49,8 до 52,7 %. Удельный вес занимающих противоположную позицию снизился: в 2021 г. составил 27,2 %; в 2022 г. — 22,3 %, в 2023 г. — 18,9 % (см. рис. 9).

Таким образом, по результатам исследований, проведенных в разных регионах России, можно говорить о том, что менее половины жителей выразили готовность участвовать в действиях, препятствующих экстремизму и терроризму. Такую ситуацию можно объяснить следующими причинами.

Так, 2022 г. был первым годом ведения СВО на Украине и была очевидная острота восприятия всех процессов, связанных с этим событием. Поскольку прошло уже некоторое время после начала проведения СВО, то наступило привыкание, и отсюда произошло снижение готовности к антитеррористическому поведению. Возможно, часть жителей

слабо представляет, что означают мероприятия, направленные на противодействие терроризму. А необходимость каждодневного внимания к происходящим вокруг себя событиям им не представляется таким действием. Подтверждает это значительное число тех жителей, которые затруднились с ответом (в частности, в 2022 г. и 2023 г. их число составило более 28,0 %). Не исключено, что в ряде территорий такие мероприятия не проводились или проводились крайне формально, и участники не видят теперь в таких действиях необходимости.

Заключение

Анализ исследования позволяет сделать следующие выводы.

Так, в общественном мнении терроризм из внешней угрозы превратился в элемент воздействия на внутренние процессы. Большинство респондентов связывают понятие терроризма со способом запугивания общества; практически столько же опрошенных были уверены

в том, что терроризм представляет собой «преступные акты насилия»; на третьем месте находится такое определение, как «бандитизм и разбой».

Устойчивым является также представление половины опрошенных о том, что террористы преследуют две основные цели: «изменить государственный строй» и «свергнуть существующее руководство». В Красноярском крае в 2023 г. наиболее позитивно оценивали такие меры по противодействию терроризму и экстремизму, как привлечение к ответственности террористов, создание единого информационного пространства, выявление и пресечения действий террористов.

В противодействии терроризму значимой жители края считают деятельность военно-патриотических организаций, национальных и общественно-политических организаций, а также роль религиозных и молодежных организаций. Но доминирующей позицией жителей края является совместная деятельность различных общественных организаций в предотвращении терроризма, что коррелирует с гипотезой авторов данной статьи о необходимости наличия ценностной компоненты и создания социальных условий для борьбы с террориз-

мом и экстремизмом. Это также нашло отражение в Стратегии противодействия экстремизму от 28 декабря 2024 г., где одной из задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму названа организация информационного противодействия распространению экстремистской и иных деструктивных идеологий, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Однако реальность сегодня такова, что несмотря на высокие оценки населением государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму (около 70 % респондентов в разное время говорят об этом), только около 30 % готовы к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Очевидно, для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: во-первых, должны быть мотивы, причины; во-вторых, собственно готовность/способность; и в-третьих, условия/ресурсы. Представляется, что одним из мотивов включения в деятельность такого рода может быть понимание опасности экстремизма не только для общества и государства, но и для себя лично.

Список источников

1. Гугасари Е.С. Правовая политика Российского государства в сфере противодействия терроризму // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 3 (46). С. 56—60.
2. Миронов С.М. Законодательное обеспечение национальной безопасности и антитеррористической деятельности: проблемы и перспективы // Современные проблемы законодательного обеспечения глобальной и национальной безопасности, эффективного противодействия терроризму. М., 2003.
3. Грудачев И.В. О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 55—67.
4. Трушанина А.Д. Совершенствование взаимодействия субъектов, осуществляющих противодействие легализации преступных доходов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2.
5. Шалупенко В.В. Готовность граждан России к противодействию терроризму // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 42—49.
6. Пиляк С.А. Актуализация культурных ценностей как инструмент государственной политики в сфере противодействия идеологии терроризма // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 3. С. 349—355.
7. Файзуллин Н.Н. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму // Образование и духовная безопасность. 2018. № 3 (5). С. 72—77.
8. Никонов К.О. О природе экстремизма как социально-политическом и правовом явлении // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 372—375.
9. Шлыкова Е.В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 103—118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9
10. Лукасевич Е.В. Современный терроризм: новые формы и методы в условиях развития научно-технической революции : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 172 с.

11. *Сведения о государственном задании РАНХиГС: мониторинг в Красноярском крае 2016—2024 гг.* // Научно-исследовательские работы. URL: <https://gisnauka.ru/nioktr/detail/6EM60LKC9MVB9LT8NF2LVN58>, <https://gisnauka.ru/nioktr/detail/ZL49MSNS28VUX07CKLE9CSI3> (дата обращения: 11.11.2025).
12. *Рабочая книга социолога* / под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 5-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 212. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>.
13. *Структура населения Красноярского края по полу и возрасту* // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (дата обращения: 16.12.2025).
14. *Численность населения Красноярского края* // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (дата обращения: 16.12.2025).
15. *В Хакасии начал свою работу форум «Маршрут дружбы»: интернет, культура и цифровая киберинформация* // Общественная палата Республики Хакасия. URL: https://oprh.ru/news/actual/v_khakasii_nachal_svoyu_rabotu_forum_marshrut_druzhby_internet_kultura_i_tsifrovaya_kiber_informatsii/ (дата обращения: 16.12.2025).
16. *Список колледжей Республики Хакасия* // Все колледжи РФ. URL: <https://vsekolledzhi.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
17. *Список вузов Республики Хакасия* // Вузопедия. URL: <https://vuzopedia.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
18. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

References

1. Gugasari Ye.S. *Pravovaya politika Rossiiskogo gosudarstva v sfere protivodeistviya terrorizmu* [Legal policy of the Russian state in the field of countering terrorism]. *Yurist-Pravoved* [Jurist], 2011, no. 3 (46), pp. 56–60.
2. Mironov S.M. *Zakonodatelnoe obespechenie natsionalnoi bezopasnosti i antiterroristicheskoi deyatel'nosti: problemi i perspektivi* [Legislative support of national security and counter-terrorism activities: problems and prospects]. *Sovremennye problemi zakonodatel'nogo obespecheniya globalnoi i natsionalnoi bezopasnosti, effektivnogo protivodeistviya terrorizmu* [Modern Problems of Legislative Support for Global and National Security, Effective Counter-Terrorism], Moscow, 2003.
3. Grudachev I.V. *O povishenii effektivnosti protivodeistviya finansirovaniyu ekstremistskoi deyatel'nosti* [On improving the effectiveness of countering the financing of extremist activities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the South-West State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 55–67.
4. Trushanina A.D. *Sovershenstvovanie vzaimodeistviya subektov, osushchestvlyayushchikh protivodeistvie legalizatsii prestupnikov dokhodov* [Improving the interaction of subjects countering the legalisation of criminal proceeds]. *Vestnik yevraziiskoi nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2023, vol. 15, no. s2.
5. Shalupenko V.V. *Gotovnost grazhdan Rossii k protivodeistviyu terrorizmu* [Readiness of Russian citizens to counter terrorism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12 (344), pp. 42–49.
6. Pilyak S.A. *Aktualizatsiya kulturnikh tsennostei kak instrument gosudarstvennoi politiki v sfere protivodeistviya ideologii terrorizma* [Actualisation of cultural values as a tool of state policy in countering the ideology of terrorism]. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal «Nauchnye trudi KubGTU»* [Scientific Works of KubSTU], 2020, no. 3, pp. 349–355.
7. Faizullin N.N. *Gosudarstvennaya politika v sfere protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu* [State policy in the field of countering extremism and terrorism]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost* [Education and Spiritual Security], 2018, no. 3 (5), pp. 72–77.
8. Nikonov K.O. *O prirode ekstremizma kak sotsialno-politicheskom i pravovom yavlenii* [On the nature of extremism as a socio-political and legal phenomenon]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 1 (14), pp. 372–375.
9. Shlikova Ye.V. *Protivodeistvie terrorizmu kak adaptatsiya k riskam sovremennosti: sotsialnaya sushchnost i subekti protsessa* [Counter-terrorism as adaptation to modern risks: social essence and subjects of the process]. *Nauchnyi rezultat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific Result. Sociology and Management], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 103–118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9
10. Lukasevich Ye.V. *Sovremennii terrorizm: novye formy i metody v usloviyakh razvitiya nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii* : cand. polit. sci. diss. [Modern Terrorism: New Forms and Methods in the Context of the Scientific and Technological Revolution]. Moscow, 2005, 172 p.
11. *Svedeniya o gosudarstvennom zadanii RANKhiGS: monitoring v Krasnoyarskom krae 2016–2024 gg.* [Information on the state assignment of RANEPa: monitoring in the Krasnoyarsk Territory 2016–2024]. *Nauchno-issledovatel'skie raboty* [Research Works]. Available at: <https://gisnauka.ru/nioktr/>

detail/6EM60LKC9MVB9LT8NF2LVN58, <https://gisnauka.ru/nioctr/detail/ZL49MSNS28VUX07CKLE9CSI3> (accessed: 11.11.2025).

12. Rabochaya kniga sotsiologa [Sociologist's Workbook] / pod obshch. red. i s predisl. G.V. Osipova, ed. 5. Moscow : LIBROKOM, 2009, pp. 212. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>.

13. Struktura naseleniya Krasnoyarskogo kraya po polu i vozrastu [Population structure of the Krasnoyarsk Territory by sex and age]. Upravlenie Federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tiva [Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (accessed: 16.12.2025).

14. Chislennost naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Population of the Krasnoyarsk Territory]. Upravlenie Federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tiva [Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (accessed: 16.12.2025).

15. V Khakasii nachal svoyu rabotu forum «Marshrut druzhbi»: internet, kultura i tsifrovaya kiberinformatsiya [The “Route of Friendship” forum has started its work in Khakassia: internet, culture and digital cyber information]. Obshchestvennaya palata Respubliki Khakasiya [Public Chamber of the Republic of Khakassia]. Available at: https://oprh.ru/news/actual/v_khakasii_nachal_svoyu_rabotu_forum_marshrut_druzhby_internet_kultura_i_tsifrovaya_kiber_informatsi/ (accessed: 16.12.2025).

16. Spisok kolledzhei Respubliki Khakasiya [List of colleges of the Republic of Khakassia]. Vse kolledzhi RF [All Colleges of the Russian Federation]. Available at: <https://vsekolledzhi.ru/> (accessed: 20.03.2026).

17. Spisok vuzov Respubliki Khakasiya [List of higher education institutions of the Republic of Khakassia]. Vuzopedia [Vuzopedia]. Available at: <https://vuzopedia.ru/> (accessed: 20.03.2026).

18. Shtompka P. Sotsiologiya sotsialnikh izmenenii [Sociology of Social Change]. Moscow: Aspekt Press, 1996, 416 p.

Информация об авторах

Вавилина Надежда Дмитриевна — доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Шпигунова Юлия Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Information about the authors

Nadezhda D. Vavilina — Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Research Laboratory “Centre for Sociological Research”, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Yulia M. Shpigunova — Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Research Laboratory “Centre for Sociological Research”, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.